

ТЕНГИЗ ГУДАВА

МОСКВА

КНИГА СТИХОВ

МОСКВА

«Дожди мыли улиц камень и асфальт...»	3
«Я звал тебя долго...»	5
«В московских кабаках под пивной сенью...»	9
«И ты шла мне навстречу...»	11
«Я тебе свои печали поверил...»	11
«Была зима, было бело...»	12
«Сейшен, сейшен, сейшен, сейшен...»	14
«Знаю, я все потеряю...»	17
«...Город проснется, пробудится...»	20
«Сейшен — праздничная ночь...»	22
«Я шел серебристым апрельским рассветом...»	25
«Юность! Юность!..»	26
«Я шел, спешил и ждал у аллеи...»	27
«Тех дней туманы сизы, мучнисты...»	28
«Москва, Москва! Красна, бела...»	29
«Я шел, рассеялись туманы...»	31
«Дожди все мыли русла улиц...»	33

Тенгиз Гудава родился в Грузии в 1953 году. Окончил мединститут в Москве. Дважды был осужден за правозащитную деятельность. В совокупности отсидел около 6 лет. Последний срок отбывал в Перми, в политлагере №35, месте заключения Щаранского, Анатолия Марченко, Корягина, Некипелова и др. В 1987 году был выслан в США. Жил в Мюнхене, теперь — в Праге. Работает на Радио Свобода.

© Тенгиз Гудава
© «Im-Werden-Verlag», 2002

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

* * *

Дожди мыли улиц камень и асфальт,
Крыши и стены понурых зданий,
Барабанили и шелестели день-деньской,
Размочив все вокруг, разливаясь рекой
Неосознанных дум и неслышных признаний.

Приуныло все, оцепенело и скрылось
За пеленой полусна и грусти завесой...
Осень, осень в Москве, в предсмертном покаянии,
Дождем опустилась из поднебесья,
Стучит по набухшей земле и продрогшему камню.

Остановилось полудвижение... Замерла на полуслове
Мысль... Небо брезжит мраморной полутвердью;
Мокро... Мокро в автобусе, в метро, в электричке,
Деревья в забытии опустили ветвей плети,
И парк в беспамятстве опрокинулся навзничь.

Так было... Осень струила влагу и стужу,
Смывала опавших листьев сор;
Холодели деньки, отмидали и плыли
По лужам,
И мутным ручьям через двор
Полувременья... А дожди все лили!

Так было... Была Москва, была юность...
В росистом воздухе витала и таяла
Алмазной пылью жмурящаяся сплошь,
И оседала трепетною дрожью,
И рассыпалась бисером мечтаний...

Все было в новь: близость, жар, томление,
Пронзительность уколов радости, печали;
И шаг был быстр как бег, и бег как лет,
Сквозь пустоту огнем кометным напролет
Неслась мечта в космические дали.

И комнатный свет тлел теплой желтизной,
Стекло дрожало под напором капель,
Входила в пору невидаль и новь,
Из затуманенных, густеющих как кровь
Закатов... И я держал на изготовке скальпель.

Рождалось что-то в муках и болезни,
Стучало, напряглось струною, било,
В неведомом и хмуром безначалье зрело, зрело,
Под спудом дней промокших, отсырелых,
Звало начало... а дожди все лили, лили...

И вот устало все, и прорвалось, и встало,
Вскипело пеной, и взметнулось птицей, —
Восстал вдруг новый мир из льда и стали,
Понесся солнцезарной колесницей,
И прахом покатила в вдруг бессмыслица.

И просияло небо и низверглись
Буруны снов, и истекло рекой
Все сущее, и обрело покой,
И даль сомкнулась с близью в един строй,
И чудо проскочило тучкой беглой.

О, музыка!.. Рождалась и рождала
Вновь каждого мгновенья откровение,
И облекала в краски тьму и тени,
И одаряла плотью ткань видений
Юнеющих неистовством начал.

Она текла, и растворяла в неге
Любую сушь. Звучало все: вода,
Камень, стекло... и возносилось над собой, когда
Богоявлением сочилась череда
Минут свиданий восхищенья в небыль...

Было, было! Москва высилась крепостью зданий,
Ширилась улиц разлетом и кружилась
Кольцами бульваров;
И был ее воздух заражен тобою, как манией,
Ее площадей простор был отравлен твоим ядом, в ее жилах
Струился электрический ток огнецветной магии.

Ее проспектов взлетные полосы
Брали курс на восторг, ее звезды
Горели рубином экстаза
Утрами ранними восходила росой
И опускалась на город вечером поздним
Эйфория рока и джаза.

Необозрим океан! Мы тонули в нем, шли ко дну
Где призывные звуки рожков, всплески, колыхания,
Труб сигналы, в тумане тающие вскрики... одиноки стоны...
И наплывающий шум ливня, как одно,
Смывающий следы всех неосознанных исканий
В пронзительность торжественной мелодии... Квадрифония!

И в воздухе холодеющем билась жилка
Добра и милосердия, неистовая жажда родительства их,
Хоть и был свет сер и зябок, и сжалась
Душа в неуютности его, чуть жива,
Не в силах раскрыть объятий своих,
Когда все обуяла жалость.

А дождь все лил, в припадке бредил и пророчил,
Все стыл и останавливал движений сонных рой,
И обмирал, уж перейдя за грани всякой мочи,
Гасил последний огонек покровом ночи,
В глубоком обмороке падал неживой.

Уж перестал всяк ход,
Забилась в угол снов седая суток мгла,
Уж потонула в мути сточных вод
И закатилась за небесный свод
Любая страсть... И лишь она была!

И лишь она была одна, как боли боль
И лишь она была одна обнажена,
Все корчилось в бегу, играло роль,
Кривлялось и катилось через поле
И лишь она была одна, одна одной, —

Как стона, вырванного из груди вина,
Как раны неоглядна ширина;
Иглой прошила вязь времен и света,
И лишь она была одна всему обетом
И лишь она была всему ответом
Одна, одна была родна женой...

Когда в неясных очертаньях что-то стыло,
И наплывало ливнем сквозь влечений фон,
Едва приметных шорохов скользящей пыли,
Всего, что нарождалось в свет и было
Залогом и зародышем свеченья... Квадрифония!

* * *

Я звал тебя долго
Утром, когда пела иволга,
И ночью,
Когда фонарями оторочен,
Город спал...
Я тебя звал.

И в суете одноделья,
Стрекочущего неделями,
В однообразии гнетущем,
В толще всего и гуще
Я звал тебя,
Звал тебя...

Отходили деньки, скорбя,
Налипали в снежный ком года,
И красила их погода
В цвета: оранжевый, белый, зеленый,
И красный, когда лето знойное
Брало в свои руки штурвал...
Я звал тебя, звал!

В отчаянии, сквозь удушье,
Со всех сторон идущее,
И топчущее росток-ранимость,
Я звал тебя неутомимо!..

...Я шел по улице Россолимо,
А время падало белесым, мокрым снегом;
И реяли мосты и крепостные башни,
И снег мешался с грязи кашей
И тротуар скользил и хлюпал за мной следом.

Я шел, ссутулившись, дыша в ворсистый шарф,
Прохожих обгонял и обходил, спеша,
Проулками сквозными и ревущими переходами,
Я шел... И толпа на меня валила пехотой,
И машины мчали, как разъяренные звери,
Я шел через арки, через ворота и двери,
Через старинно московские дворики,
Мимо железных оград, деревянных заборов,
Я шел сквозь подъезды, выдавшие виды,
Поникшие от тоски и обиды,
Мимо окон, горящих интимными бра,
Полных золота и серебра,
Мимо строек и башенных кранов,
Мимо театров, кино, ресторанов,
Мимо МГУ, МИСИСа, МГИМО,
Я шел по, сквозь, через, мимо, —
Я шел...

Комфорта ласковый шелк
Скользнет по шее...
Не сосчитать
Скольких сманил благодатью
Декораций изысканных фальшью...
Я шел дальше...

По амальгаме аттракционов...
Входил в операционную!

Слепит белизной блица
В марлевых масках лица
Звяканье ножниц, зажимов,
Недвижимо
Тело на столе, клеенка,
Сердце в ладони тонкой
Ало, ало, —
Сердце устало
Идти...

Занятие!
Студентам демонстрируется сердечная
недостаточность:
Вот,
Как домик карточный,
Рухнули вмиг комфорт,
Довольство
Все...
Перенесет
Ли сердце операцию?
Идет демонстрация жизни и смерти
Идет демонстрация!

Студенты глазеют, ждут,
Стянут жгут;
Капельница...
Скальпель...
Ножницы...
Игла —
Легла,
Шелка нить...
Жить! Жить!
Беспомощно тело лежало,
Сошедшее на нет...
Рука на простыне...
Куда вы ноги бежали?
Ладони жали,
Били,
Любили,
Служили,
Жили, —
Жалость!

Сжалось
Сердце в ладони,
В груди,
Впереди

Что?
Вечность?
Зависит
От хирурга?
Случая?
Бога?
Эй, кто там, молю, помоги!
На волоске висит
На весах все —
Спаси!

...Красное — белое,
Жизнь — смерть...
Не смей
Жалеть...
Дело! Дело!

Студенты жмутся, топчутся, шепчутся,
Они на встрече
Каждый день с операцией... —
Идет демонстрация
Науки, техники, искусства
Не ведать чувства
Во имя дела: чтобы жило тело!

Учится студент, познает, смотрит,
На разрезе, на вскрытии, в микроскопе
Сокрытые мысли природы;
Принимает роды
Дыханья... и последний вдох...
Студент плох,
Если не сдал зачета по части
Сердечной недостаточности.

Занятия, занятия!
Все должен знать я,
Чтоб был мой больной
Спасен,
Это — главное.
Тампон!..
Игла!..
Шов...

Я шел,
Шел,
Шел...

Сворачивал с пути прямого влево-лево.
И попадал (не раз!) в порока чрево...

* * *

В московских кабаках под пивной сенью
Витают, жив, Сереги дух, Есенина.
Идет гульба... О, тут такое, брат, услышишь,
Чего не скажут энциклопедистов тыщи!

Кабак московский — вещь неповторима,
Здесь в облаках хмельных и клубах дыма
Творится нечто, не передаваемое словом, —
Здесь сбрасываются вериги и оковы,
И в буйстве воли, ранами дыша,
Является загадочная русская душа.

Она поет, она кричит, зовет на помощь,
И в ключья рвет себя ее слепая мощь;
Вулкан вдруг извергается: вина, вина!
И исповедуется, и причастьем пьется осуждение-вина.

Здесь одинокий стон сливается со всеми
В забвения мощный гул, пространство-время
Тут вдруг расплющивается стакана дном,
И ширится все вкось, и сходится в одном:
Пред пьяной долей все равны и братия —
Тут коммунизм, и рай, и ад, и демократия!

Стоят за стойками рабочие, студенты,
И соль Москвы — зуй-интеллигенты;
Стоят военные, нацмены, иностранцы,
Стоят, сидят, лежат и вертятся как в танце...
Стоит, конечно же, незыблем, в сотни ватт,
Роскошный, вечно юный русский мат;
Все поминают чью-то мать повсюду...
Бежит из кружек пена на столы и блюда,
Бежит волной, огнем, ручьем, мочой,
И каждый саму истину глаголет и речет.

Проблемы здесь решаются большие:
Политика, вопросы пола, брака, и давно решили
Здесь основной вопрос трагедий: быть или нет?
In vino veritas! Вся истина в вине!

Поэт стихи читает гневно, метко,
И на устах его дрожит прилипшая креветка...
„Пошел ты на...!!!“ — Другой ответил то же, —
И на тебе, по самой да по роже!

„Спартак! Спартак!“ — хрипит алкаш всегласно,
„Спартак — хуйня! Да „Спартак“ ваш — мясо!“

„Цеска — конюшня!..“, „... вот я помню, Нетто!..“,
„Э... Русь погибла! Разве пиво это?!“
„... а я ее и так и так и так!!!“
„... погибла Русь“,
...“Пивка!“,
...“...ю мать!“,
... „Спар-та-ак!!!“

Пиво медовое липнет к губам,
Отчислили парня из Вуза: „На БАМ...“ —
Бормочет — „Поеду! В Сибирь!
От этих проклятых московских дыр!“
Видать вконец развезло бедолагу:
„В Сибирь! На Колыму! В исправительный лагерь!“
...“Вас, девушка, как зовут?“, „Меня? Лена...“,
Знакомства, знакомства... — судьбы перемена.

Качнулись кругами высокие своды, —
Настал звездный миг ощущения свободы,
Лучистого братства, хмельного веселья...
Давай выпьем вместе, Серега Есенин!
Давайте, друзья, выпьем! Вспомним те души,
Что здесь загубили года свои лучшие,
Что здесь отслужили молебны за здоровье
Янтарного пива, усатых омаров
Горячих сосисок, тарани и воблочки,
Запитых хрустальной московскою водочкой...

А если всерьез, помянем и запоем
Сей минуты угар, бурной радости полный.
Поднимем тост за юность нашу, за мечту,
За то, чтоб было все о`кей, за ту,
Что наше пьянство обращает в ритуал
И наполняет жаждой счастья наш бокал!
За буйство жизни! За удачу! За успех!
За Русь! За Грузию! За Шар Земной! За всех!

...Шумит кабак, летит деньжонок стружка.
И мчится карусель быстрее — за кружкой кружка...
Студент карман скребет: пивка еще...

Я шел сквозь хмеля сети, шел...
Шел грязью бездорожья и трущоб
Я шел,

Шел,

Шел...

* * *

И ты шла мне навстречу,
Неведомым зигзагом назначенья,
И наши тропы пересек декабрьский вечер,
Ты руки положила мне на плечи,
И времени вдруг замерло течение.

Тебя я звал и ты откликнулась и стала
Москва отныне новым Иерусалимом,
И новым стало все: перрон вокзала,
Большая Пироговская и Малая,
И улица загадочного Россолимо.

Любимая! Я ждал тебя так долго!
Я так молил пришествие твое ночами
Бессонными, и ожидание священным долгом
Прошло по дням и по исканья полкам,
Предтечей и крестителем начала.

Любимая! Я так искал тебя!
В потемках одиноко
Душа брела и падала в бессилье,
И солнце меркло и тоска бичом жестоким
Била, и желаний око
Слепло, и мечта ломала крылья.

Но ты пришла и воскресила землю,
И все на ней очнулось, торжествуя,
Дыханью твоему покорно внемя,
Склонило слух и обратило зренье,
И разлилось родством в воздушных струях.

Любимая! В тебе мой мир свершился...
Ты появилась и зажгла лампаду пред иконой, —
И мир осмыслился и верой озарился,
И в силе взмыл и в неге растворился,
Став царством первородным и исконным.

* * *

Я тебе свои печали поверил, —
Ты взяла их в теплые ладони,
И они в ладонях теплых стояли,
Снежинками, упавшими на подоконник.

Я тебе свои тревоги поверил, —
Ты их влажными коснулась губами,
И тревоги отлетели, пропали,
За большими, большими снегами.

Я тебе поверил радости и боли,
И они взревели смерчем цунами,
Когда ночь спускалась звездной тропой,
И стелилась негой над нами.

И рассвет лучился бархатной новью...
Утро было так свежо, невинно,
Инея и сна вполовину, —
Я тебе поверил любовь...

Разве модно было в это поверить?
Было это слишком сказка и чудо,
И не сон и не шальная причуда, —
Это явию вошло в мои двери...
Разве можно было в это поверить?

Разве можно было не усомниться:
Уж не грезится ли это, не снится?..
Слишком это была грез небылица...
Разве можно было не усомниться!

Разве можно было оставаться нормальным,
И не потерять рассудок и память, —
Поменять одно-другое местами,
Когда это было опьянением повальным...
Разве можно было оставаться нормальным...
Разве можно было оставаться нормальным...

* * *

Была зима,

Было бело,
Били белила
Куда глаз ни кинь.
Слепило,
лепило,
кружило,
пуржило, —
Заворожило, —
Мороз был дзинь-дзинь!

Мороз был трескучий,
И снег был скрипучий,
Могучие кучи
Его там и сям;
Щипало за руки, за щеки, за уши,
За нос еще пуще, —
Горит стыд и срам!

Иду ли, бегу ли, лечу ли как пуля,
Сижу ли на стуле,
А снег все снежит... —
Год Новый в полшаге,
Гудит вся общага,
И пенится брага,
Ну как тут не жить?!

Общага, как улей,
Бушует, ликует,
Смакует, кайфуя, лихую струю;
Искрится, кружится
Девиц вереница,
И новые лица
Повсюду снуют.

На лестницах спешка...
Вот клевый группешник
Всю ночь будет тешить
Общаговский пипл;
И даже на вахте
Забыли о страхе,
Вахтерша что сваха,
И голос уж сил.

Гомон вавилонский, —
И русский и польский,
Английский, французский, арабский, —
Все тут!
Армяне, грузины,
И с гор и с низины,
От белых до синих, —
Такой институт!

Со всех стран на свете
В студгородок «Медик»
Студенты к нам едут, —
Со всех, брат, сторон.
С флажком «Мерседесы»
Стоят у подъезда
Как у Дворца Съездов!..
Ну чем не ООН?

Долой все оковы!
Бутылки готовы!!
Закуски — салаты
(Чем рады-богаты)
Гоните на стол!
Хард-рока и джаза
Руби в полный сажень,
Из комнаты каждой, —
Ватт эдак под сто!!!

Эй, Таня и Ваня!
Пустите-ка в ванную!
Кончай запираяться! Нашли тоже час...
И вы, тараканы,
Не лезьте в стаканы,
Они нынче мыты
Отнюдь не для вас!

Мы сядем у елки,
И кинемся волком
На все, что принес нам студенческий рубль...
А позже, —
Направим в столовую вожжи:
Там сейшен балдежный,
Безбожный заруб.

Взорвался огнями,
От музыки пьяный,
Помадой румяный,
И синий от глаз, —
Наш корпус высотный,
Со стенами, окнами,
И с нами, о диво!
Пустился в припляс...

* * *

Сейшен, сейшен, сейшен, сейшен,
Тьма народу — чужих, здешних,
В глазах рябит от пестроты... —
Тут весь стрит.
Играет группа Status Praesens,
Фирму лабают, свои песни... —
Группешник в городе известный...
Народ свистит.

Джинсов синь округ мостится...
Ба, да тут весь цвет столицы! —

Сейшенов всех очевидцы, —
Млад и стар!
(Вон Макар!)
Гасят свет, прожекторами
Высвечены барабаны,
Валит пар как будто в бане,
Что же когда танец грянет?..
Лютый жар!

Бородач-басист уж в роли,
В изумрудном ореоле, —
В шляпе страх широкополой,
Тронул бас...
И малиновая сфера,
Освещает вид «Премьера»...
Вот солист проверил ревер:
„Раз!“
рас...
рас...
рас...

Караул от теснотищи,
Давят груди, животища, —
Давят животы, грудища, —
Давят...
«Тише!»

Да!
Да!
Я верю в тебя, хочу верить
Ла-ла...
Мне нужно верить в тебя, мне нужно!
О-оо...
Я служу тебе, да...
Я пою тебе...
Я кричу тебе...
Я зову тебя, хей!
Я люблю!!!..
Те!
бя
Блю-юуз...

Медленно, медленно, медленно
Плыла патока сладких мгновений
Сна и видений
Силы и лени
Было сокрыто и сведено, сведено
Розовой тенью
Все розовой тенью...
Увязла в ней всякая горечь

Всякая горечь по горло и плечи
Да, горло и плечи...
Нам музыка стала
Сигналом
И символом
Встречи
Да, встречи...
Той встречи...

Волны ее нас несут и несут и несут

В светлое чудо
О, светлое чудо
Светлое чудо...
Звуки ее нас спасут, нас спасут, нас спасут
С нами пребудут
Вечно пребудут
Вечно пребудут...

Медленно,
медленно,
медленно
В танце нас звуки кружили
Кружили ли?
Жили ли?
Лилили
Илилил
Лилили
Ли или и...

Было сокрыто и сведено,
сведено
Ритма пружиной
Все ритма пружиной.

Увязло в нем всякое горе
По самое горло
По горло по —
— Горлопо
Ополрог —
— Горлопо!
Ополрог?

И в море, бушующем музыки море,
Лишь он нам помог...
Нам помог... —
— Не помог
Нам помог!

Волны ее нас несут
и несут

и несут
В светлое чудо
О, светлое чудо
Светлое чудо...

Звуки ее нас спасут,
нас спасут,
нас спасут, —
С нами пребудут
Вечно пребудут
Вечно пребудут...

* * *

Знаю,
Я все потеряю.
Растает
Снегом в жару,
Развеется ветром, ручьем истечет
Моя пора...

И не сбудется ни слово реченное,
Ни желание тайное,
Ни сон, ни даже простая чайнность...
Не станет
Ни причала, ни крыши,
И на небе моем путеводной звезды не сыщется
Судьба-звездочет.

Знаю,
Я все проиграю.
Ни нить к нити, ни к руке рука,
Ни камень на камне...
Окликну прошлое издали,
У самого края,
У последней черты;
Но ко мне
Оно не обернет лица,
И не простит.
И не простится.

Я буду нищ, и наг, и слаб,
И странником пойду по миру безымянным,
И все обманет, все поникнет и завянет,
И цветом не порадует, не даст плода,
Все выбросит крушенья белый флаг
И пробежит сквозь пальцы, как вода.

Земля иссохнет и рассыпется песком,
Обуглится углем и напоится зноем,
И цепи времени звено связанное
Закатится за борт и не найти,
Когда, как дулом пистолетным замаячит у виска,
Конец пути.

Ничто не сберегу, не сохраню, не донесу,
Хрустальной вазой выскользнет из рук,
И разобьется все, и не опишет круга;
Не сложится в едино никакое начинанье...
Ничто не удержу и не спасу,
И не воздам чинами.

Все оборвется в полуслове, в полусне,
Все в полушаге вдруг замрет и станет,
И поплывет назад в окне вагона полустанок...
Все опоздает к поезду и в муке,
Смотреть все будет мне вослед,
Беспомощно заламывая руки.

И удалится, пропадет из вида
Все-все... и обратится призраком и тенью!..
Не заснежит зимой, не побежит ручьем весенним;
Достанется в награду мне дона пустыня злая,
И рок на мне все выместит обиды...
Знаю, знаю!

Но в онемении предсмертном заклинаю:
Пребудь вовек лишь ты одна, лишь ты одна!
Пусть сгинет все, забудется, падет на дно,
Но ты пребудь всей смерти вопреки, —
Одна себе лишь продолженье проречи.

Одна гори звездой яркой в черной мгле,
Одна все сбереги и все согрей...

Лишь ты всему будь смыслом-оправданьем,
Лишь ты воздвигни средь пустыни зданье,
Лишь ты одна будь флагом всех моих побед,
Лишь ты мне улыбнись из гари прошлых лет,

Лишь ты святою мне иконой будь,
И освяти мой скорбный крестный путь...

Одна ты, неприкосновенна и цельна,
Одна чиста, как небо в вышине,
Одна близка, одна тепла, одна родна
Лишь ты одна...
Лишь ты одна...
Лишь ты одна...

Пусть все я потеряю, но лишь ты
Со мной останься в беспределье пустоты,
Со мной останься, когда буду наг и сир,
Лишь ты затми собой мне этот мир...

Пусть все смешает вихрь, сокроет мрак, —
Одна гори у горизонта как маяк,
Одна как перст, как луч, как свет в ночи,
Одна зови меня, одна кричи,
Одна искрой, одна свечой, одна слезой,
Одна мне будь спасительной стезей...

Пусть все я потеряю, но найду
Тебя одну на счастье и беду,
Одну на век, на срок, на все и вся!..
Пусть бусинками влаги дни висят,
Путь падают и растекаются в ничто,
И время мутным паводком стечет,
Прейдет всяк ход, всяк шаг, всяк миг и блик,
Но твой пребудет пусть вовеки лик!

Ничто не сохранит и не удержит пусть рука,
Лишь бриллиант сожму твой судорожно в кулаке,
И понесу одну тебя лишь в сердце,
Одна ты мне богатство и наследство...

Пусть все умчится призраком и тенью... —
Лишь ты одна — мое приобретение,
Одна итог и результат и достижение,
Одна как остров в океане поражений.

Да, пусть я проиграю все, на что поставил,
И не измерить и не взвесить пусть весами
Потерь и краха тяжесть и банкротства глубину...
Но ты противовесом стань всему!
Лишь ты воздайся выигрыша даром, —
Тебя лишь вынесу из шквального пожара...
И пусть сгорят дотла мой сад, мой кров, мой град
Тебя одну спасти из пламени я рад.
И в наводнение, в ураган и глад и мор,
Пусть гибнет все и разметається как сор...

Тебя одну
Достану я со дна,
Тебя укурю грудью, заслоню спиной,
И стану всей напасти непоколебим стеной...

И все водою омоет твой стан
И в грязь стечет... Ты останься!

Ты останься! — молю, заклинаю,
Ты останься неопалимым пламенем...
И пусть все в уходящем отстанет, —
Ты останься! Ты останься!

И пока дыханья ток струит,
И движет мой шаг животворный магнит,
Я зову, неистовством вдохновленный:
Будь вовеки благословенна!

...

Я твой образ понесу как крест
По льдам безобразия и скалам голым;
И время падет черным камнем тяжелым,
И ночь как монах будет бдеть при лампаде,
И утра будет благая весть
Белой изморозью падать.

Пойду, зажав твоё семя в душе,
Встану, пойду по промерзшему насту...
И станет то, чему суждено статься,
И будет то, чему дано сбыться,
И чему назначено свершиться —
Свершится!

Материнство! Роди мне новь!
Утра ранью вскрой беременное чрево,
В изнеможении отдайся данью сева
И выстраданное яви в плоти,
Богоначалом сокрушенной крови
И сокрушением мирских плотин.

Роди, роди плод духа алчущего!
Роди, продли святую связь родов
В едину цепь юнеющих годов
И полноводьем пенных вешних вод
Омой в крещения купели дитя плачущее —
Новый год!

* * *

...Город очнется, пробудится, дрему отряхнет,
вдохнет инеющую свежесть,
хлопотливо захлопает дверцами троллейбусов;
их усов
металл запоет в проводах протяжно и нежно...
Зашевелится город, застучит

зашипит шинами по мерзлому асфальту,
и двинется толпой пешеходов в теплых пальто,
спешащих, бегущих по тротуару...
и пар
повалит из станций метро...

Засуетится город, забеспокоится, настраиваясь на ритм,
Замигает глазами светофоров...
Зайдут, заработают споро
Маховики его, шестерни и оси...
Загромяхают вагоны товарные на стыках колес...
Радио заговорит...
Загудят трубы заводов, фабрик...
Подключится милицейский свисток и чьи-то крики...
И говор деловой сольется в хор,
И улиц шум как человеческий разговор...

Засопели, заклокотали поршни, насосы...
Конвейеры двинулись в нескончаемый кросс...
Взревела сирена! Завыли, зажужжали станки, дизели...
... «Скорая помощь» несется по вызову:

Квардифонический приступ! *Exetus letalis!*

Город восстал в стеклобетоне и стали...
Взвились в серое небо небоскребов скалы...
Мосты над реками свели...
Все связалось...
Заскользило по булыжнику мостовой и паркету зал...
Вороны загоряли в ветвях деревьев...
Все отогрелось...
Лифты засновали по этажным высям...
Нервы улиц напряглись...
Окаменели выраженья их лиц...
Налились жилы...
Все ожило...
Закружило...

Машины засигналили, зарыкали, понеслись
По артериям его и венам...
Снег подтаял на ступеньках лестницы,
На снегу — трезубцы
Воробьиных следов...
Копоть въелась в нахламления льдов...
Пыхтят дымопаром трубы и трубки...
На обочинах снегогрязь ноздрится губкой...

...И все прейдет, все-все исчезнет как мираж,
Без продолженья, без конца, без смысла и ответа,
Невидимого рока верный паж —

Год Новый смочет ледяной водицей Леты
Наш след..

Я знаю, знаю это,
И кричу я:
Нет!
Нет!

Пусть исчезнет все на свете, все, —
И волною смочет пусть и унесет,
Всякий цвет зим и лет,
Зим и лет.
Пусть пройдет всякий миг, всякий блик,
Но пребудет пусть вовек твой лик..

Я молюсь тебе,
я зову тебя,
я кричу тебе,
я люблю
Те!
бя
Блю-ууз!..

* * *

Сейшен, сейшен, — праздничная ночь,
Новогодняя ночь, сказочная ночь;
Все через край, все через очень,
Огней и звуков вихорь магический,
Ток электрический
Роковой музыки,
Танец-движение,
Жест откровения,
Выражение переводикой воли,
Расторжение уз,
Крик боли,
Рождение, —
Освобождение, —
Наваждение..

О, рок-музыка! Ярость и страсть!
Дитя свободы, свобода, ветер,
Разметала все стены и клетки
Темниц и подвалов,
Утверждая власть
Сердечного ритма, напев
Струно-нервов,

Стальных и тонких,
Распятых колками рока,
И бой-отскок
Барабанной перепонки.

О, рок-музыка, наркомусика!
Ты несла чудо трепета яви,
Ты в пустыне безбрежной расставила
Свои изваяния из кости слоновой,
Озаряя мир солнцем эпохи новой;
Музыка откровения — откровение музы,
Открыла шлюзы
Смыслотворного чувства,
Вочеловечив искусство,
Вознеся человечность на рубеж
Неслыханной смежности
С сутью
Ее пути.

Электронное звуко-фото Человека,
Электросоль сумасшедшего века,
Атомный смерч новизны:
Рок-музыка — связная
Всех племен планеты,
Единый язык всех народов света,
Запада, Африки и индуизма сплав...
Rock is my love!
Rock is my love!

Rock is my life,
Золотистый кайф,
Невинность твоя, музыка, яда смертельной,
Мелодии зов страшней Хиросимной тени,
Губительней гамма-лучей
Твоя гамма, —
Никакие врачи
Не спасут тобою больного, —
Он будет гибнуть снова и снова!
... Грядешь предвосхищением разлуки
В начале было слово
В конце — звуки!..

Эй, алхимики, астрологи хард-рока!
Не истек ваш срок, —
Вы нашли магический камень вечной юности,
Вы сотворили из кости
Адама новую Еву
Животворящего напева;
Из пробирки вышел в мир гомункулус, —
Homo Musikulus,

И родилось под вашей звуко-сенью
Феерическое, роковое поколение...

Мчите!

Будите!
Будьте!
Прожигайте пленку любого плена,
Вы —
Те,
Кому назначено петь гимн
Сиюмгновенности перемен!

Святите сиюминутность
Пульсирующей жизнеликой сплоши,
Коросту нудности счищая светозвучьем чуда
Сокрытой
В каждом
Миге
Мощи!

Эгей, маги, чудодеи, кудесники
Хард-рока! Вам не тесно
На вашем гнилом Западе?
Берите к нам, на Юго-Западную!..

Здесь на красном Востоке
Вас оценят не хуже Вудстока,
И в общаге студенческой «Медик»
Не хуже «Мэдисон Сквер Гардена» встретят...
Итак, добро пожаловать
На пересечение Волгина и Островитянова!

Здесь сегодня истый хит-парад,
Танцы до упаду, маскарад...
Здесь сегодня новогодний карнавал...

...Дед-Мороз узоры в стекла врисовал,
Рассовал подарки под подушки,
Каждому любимые игрушки,
Каждому печенья и конфетки,
И отличные, отличные отметки!

Когда луною озаренная равнина,
Покровом снежным пеленала сына,
Баюкала в сугроба колыбели,
И ангелы в небесной выси пели.

* * *

Я шел серебристым апрельским рассветом,
Пружинился мягко асфальт под ногами,
Деревья в молочную зелень одеты,
Восторженность пели щемящею гаммой.

Что стало с тобою, родная округа?
Каким возгорелся безумьем накал!..
Твое отраженье разбилось об угол,
И грянуло в блюдцах всех лужиц-зеркал.

Я шел, и я жил, и был невесомым,
Как воздух шальной, напоенный весною,
Я птицей парил в синеструйном озоне,
И мчался оленем тропинкой лесною.

Я лился журчащим ручьем меж камней,
И впитывал сочную землю губами,
И вновь набегал из звенящей капли,
И щельных проталин под снегом и льдами...

Я был все во всем, потянулся и вздрогнул,
И солнце клинком золотилось в водице,
И брызнуло вдруг изумрудом на стогах
Бескрайнего поля обзоров столицы;

Земля расплзлась, разручилась и взбилась,
И почки набухли и лопнули соком,
И ринулось в рост все живое и силу
Вобрало из недр и из выси высокой.

И вот все устало, и встало, и стало, —
Забилось в восторженном кличе рожденья,
И свету-теплу посвятило Начало,
И миру-добру преклонило Колени.

Я шел..., а мир пел неистовым хором,
Дразнилась, пьянила любовною лаской
Распутица чувств, и проросшею спорой,
Очнулась пора вознесения в сказку.

Я шел, я шел на встречу с тобою,
Спешил, бежал по лужицам пенным...
Я был Москвой, и я был весною,
И сердцем вращал в чернозем упоенья.

И сердце всходило ростком колыбельным,
Тянулось к лучам жизнедарного света,

Пробив скорлупу заскорузлых неверий,
Мечта возносилась фотонной ракетой.

И сердце росло и мир обнимало,
И сжало его в сладострастном порыве,
И мало земли ему было и мало
Ему было неба в лазурном расплыве.

И мало тепла... Раскрылилось желанье
Светить самому и греть и избыться, —
Цветеньем добра, изумрудом призванья,
Среду пронизая волшебною спицей
Любви...

* * *

Юность! Юность!
Тобою овит
Был мир, как лозой,
Набухла ягода,
И проронился слезой
Ее терпкий мед,
Когда поцелуем одним сквозь медовый налет
Зеленели года...

Ты взметнулась голубкой
В синь высоких небес,
И окинула взором все дали чудес,
И впитала все соки прекрасного губкой;

И стала поэзией ввек неизбывной,
Текущей из недр безначальных, бездонных, —
Навеки немеркнувший, вечно призывный,
Твой образ впечатался в сердце Мадонной.

И в разум вписались обетом священным,
Искательства вечного смысла и счастья, —
Твои, Богородичья юность, крещенья, —
Твои, Богосынная младость, причастья!

Тобою был путь освящен и назначен,
Сквозь зимы пустот и волнений лета,
Всходила звездой путеводной над мачтой,
Сияла святая твоя нагота.

И был я прозрен мановением музыки,
И был поражен, лишь коснулся едва,
Меня фимиам твой, и ссыпались узы
Суетных забот... Я искал естества!

* * *

Я шел, спешил и ждал у аллеи,
И грянул грозою весеннею дождь,
И выбил на всем барабанную дрожь,
И птицы сквозь стук его громче запели.

Парк Горького вмиг опустел и размок,
И вспыхнул его изумруд и коралл,
Я ждал под навесом кафе «Теремок»,
Смотрел на часы, волновался и ждал.

И ты появилась вдали у ворот,
Бежала ко мне вся в мокрящем плену,
Не видя лица, в улыбке твой рот,
Я видел уже сквозь дождя пелену...

Ты бежала, мокра, мокра,
Ты смеялась навстречу мне,
И дождем разлилась по весне, —
Вспышкой яви во весь экран.

Светлый лик твой был так хорош,
Лепестки губ свежее роз,
И в алмазных бусинках нос,
И волос мокрых спелая рожь.

И глаза твои были всем,
Что когда-либо было и есть,
Или будет когда-либо цвезть,
Принесли в мир благовую весть,
И пленили его насовсем!
Ты бежала ко мне под навес...

И застыл вдруг открыткой миг:
Парк Культуры, гроза веселеет,
Ты и я, между нами аллея,
И твой мокрый счастливый лик...
Зеленеет округа и нас
Закружил майский ливень, что вальс;
Ты бежишь и бежишь мне навстречу,
Мир велик, день как праздник беспечен,
И глаза твои так ясны!
Сквозь улыбку пребудут вечно,
Восхищением бесконечным... —
Юность — Радуга!
Юность-Весна!

* * *

Тех дней туманы сизы, мучнисты,
Ложились на землю нежащей дланью,
Цветных огоньков в них мерцания быстры,
Слоились, текли и низались на низку,
В единую тонкую нить ожиданья.

Оно как апостол неслыханной веры,
Звало сделать шаг и стояло на страже,
Сомнений душевных, суетной манеры,
Обманов кумирных языческой эры,
И сна, стерегущего ночью каждой.

Тех дней была плоть солона, горька...
Вставал сожалений разбуженных вал...
Страдание стайкой пугливых мальков,
Метнулось под зыбный навей ветерка,
И город иллюзий, поверженный, пал.

И было порою серо, и сквозь мрак,
Я ощупью двигался в дали судьбы;
Плутал, спотыкался и падал в овраг,
И где-то за мной догорал страсти мак...
Я брел, одержимый безумием быть!

Тех дней караван шел песками пустынь,
Клубился миражей неистовый зов,
И зной изнурял, и казалось отныне,
Не будет конца беспредельной равнине,
Не встретит уж путник оазис-любовь...

И странности все покрывала вуаль, —
За ней отстранились метания духа;
Она растворила жестокости сталь,
Размыла пятном очертанья печали,
Летала, легка, тополинным пухом.

Знак ее сквозь те годы прореял
Вестником скорых крестовых призываний...
...Лес ворожил, и в окно, зеленея,
Лист проникал, и странности фея
Палочкой трогала сонную рань...

Стебли вились точно змеи, сплетали
Вязи и заросли кольца лиан,
Стелились и льнули русалочьей талией,
Лазом водили в пещеру ту скальную,
Где гнездилась неведомость... странность!

Странно, странно было все:
Демонизм твоей музыки, Uriah Heep!
Он густел как нектара сок,
И был голос хрустально высок,
Уходил в ультразвук верхи.

Налетал вдруг алмазный, цветочный,
Электрический вихрь волшебства, —
И расплывом светящейся точки,
В безмятежном парении мочи,
Плыло музыки сверхъестество.

Все одевалось в наряд романтизма
Небывалого, дивного вида, —
Через его чудотворную призму
Мир пролучился всевластным капризом
Воздуха, ветра свободы... Sweet Freedom!

Воздух свободы прозрачил туманы,
Цвел и сиял всего сущего нимбом,
В нем колыхалось травой саванной,
Падало в руки небесною манной
Время любви и горенья... Sweet Freedom!

Тех дней была сплошь огнелика, светла,
И серость в канве разноцветных огней...
Бурлила и накипью шла из котла
Суетности прыть, и рождался кристалл,
И сахар был солью несладких тех дней.

Кристалл тот все рос самоцветом нездешним,
Горел, сумасшедший, горел, и избыться
Неистовством жизни звал, и вещим
Был зов его сквозь мертвящие клещи
Бессилья и сна и безликости лица.

* * *

Москва, Москва! Красна, бела, —
В себе потоки грез света,
В себе раскинула шатром
Неисчерпаемость...
Здесь строили высотный дом
Дерзаний мы

Здесь воздух нес дыханья жар,
И ветер гнал страстей пожар,

И неба был высок зенит,
И холоден;
И гранью сил твердел гранит
Города

Здесь зародился ритм начал,
В теснинах каменных причал,
Здесь обрела нагая стать,
И пение,
Когда пробило время стать
Свечению

Москва — раздолье суеты,
Каким ночам покорна ты?
Каким утрам клялась тогда,
В юности?
И что звала через года
Пронести?

Нам миром ширь твоя легла,
И высью куполов и глав
Твоих строений был рубеж очерчен нам:
Твоим потерянным навечно
Сыновьям...

Снесен наш дом и след простыл...
Ты развела свои мосты,
Москва, ты вычеркнула нас из памяти,
Из памяти...
И нам к тебе уже пути
Не найти

Москва, Москва! Бела, красна, —
Здесь было лето и весна,
Здесь солнцем был залит асфальт, бетон,
И стекло, —
И счастье в их громадах тонн
Протекло...

На перекрестках дней и дел
Здесь стяг надежды так алел!
Здесь так горела жажда веры
И любви!
Просвечивался сквозь металл и серость
Ее вид...

Все обретало тон и лад,
Выстраиваясь в струнный ряд
Благодаренья и вершения святой работы
Жить!

И шелком в мир вилась ее заботы
Нить

Простор твой напоен был смыслом,
Неведомым тем чувствам, мыслям,
Лишь проколовшим раз иглою
Их крыло,
Что ввек взмутило, разожгло их строй,
И повело

И утра июльского явление,
Несло нам чудо откровенья, —
В нем нарождалось удивление безмерно
Ранней ранью...
И проникало в ткань бытья, как терний, —
Содроганьем

* * *

Я шел, рассеялись туманы,
Был день промыт и сух, как мыс,
Дожди слезами пролились,
И неба синь была новорожденной,
И воздух запахов и ароматов полон.

Все мне явилось, родилось и все запело,
Все отряхнуло пыль и копоть безучастья, —
Отверзлась явь и обнажила счастье,
И стало все вдруг болью небывалой,
И сдернуло безличья покрывало!..

Я шел, я знал, я ведал упоенье,
Я нес собою стон и крик дыханья,
И пламенем спиртовым полыхание
Святого Духа возжигало факел страсти, —
Идти путем Господнего Причастья.

Идти, иди! Боготворить движенье,
Идти навстречу Дню свершения и блага,
Под облака взметнув крестово древко флага,
Искательства добра, любви и веры в жизнь...
Идти, переступив всей данности межи!

Я шел и рос со поступью шагов,
И рос мой мир, — забушевал зеленой кроной,
Воздвигся, обуян величьем тронным,
Единый хор смертей, скорбей и зла,
Гармоньей смысла всепобедного связав.

Я шел и шаг мой креп и мерил ширь времен;
Я шел..., а мимо шли года и пятилетия,
Гурьбой и в одиночку шли навстречу, встретив,
Меня приветствовали, и проскакивали так, не замечая,
И оставались позади, и исчезали за далеким краем...

Я шел и выходил из прошлого-былого,
Все оставляя в нем, чрез все перешагнув,
Все бросив, все покинув... лишь тебя одну
Я выносил из пепла и руин,
И нес как талисман священный — бедуин

Остался позади, Москва, оазис твой,
Остался и исчез в пучинах смутных снов,
И растворился в таинствах основ;
И вышел из тебя, как был я, — нищ и бос,
Сорвав на память лишь букет твоих воспоминаний-роз

И дальше шел и шел я в даль сквозную,
Чрез камнею потерь и скальный лед чужбин,
Дорогой поиска неслыханных глубин, —
Шагал сквозь города, простор земной и страны,
Смертельной лихорадкой смысла одержимый странник...
Чрез все пределы мыслимых краев
Я несся в вихрях несмолкаемых боев

Я пересек всего начало и конец,
И вышел из орбит всей тверди и времен,
Всех назначений круга, родов и племен,
Из смерти и биений жизни тленной,
Из вещества и пустоты галактик и вселенной

И вот я вышел, за собой оставив все...
И стал лучом. И обратился тенью хода.
Восстал и пал рождением восхода
...И был погибший мир вовек спасен
Теплом любви и светом всепрощенья
Все обрело себя и в новом воплощении
Явилось небо, и земля, и лик светил
Когда обрел конец я своему пути...

...И зашумят, зайдут волной моря листвы,
И выйду вновь в распахнутую даль и ширь Москвы

* * *

Дожди все мыли русла улиц, мыли,
Все шли и шли грядою хмурых туч,
Поили воздух стужей и росой колючей,
Все моросили, разливаясь в реки и моря,
Все били в гонг оцепененья и печали,
Бежали в перехлесте струй, качали
Косую тень от света уличного фонаря

Остановился мир... Москва застыла в дрожи,
Застопорили ход автобусы, метро, такси...
И толпы пешеходов стали, и в бессилье,
Поникли стрелки городских часов...
Все замерло на улицах безлюдных и в домах,
Все затаило дух и спряталось впотьмах,
И скрылось под навес и под засов

На землю снизошла такая грусть!
Такая боль открылась вдруг вразрыв!..
Все потонуло в ней и пало ниц, сокрыв,
Свой искаженный мертво-бледный лик...
И воззвала спасение вся суть,
И отекла забвением свой путь,
И вырвала из онеменья крик

И вот отторглась явь от снов и мглы,
И разделился мир на дух и плоть,
Вознес Творцу мольбы ковчежный плот,
Воскрес из мертвых, и холодных, и чужих...

Москва! Москва! Омойся покаяньем!
Очнись от зла, забвенья расстоянье
Пройдя крестовой смертью... чтобы жить!

...А дождь все лил, и лил, и лил,
Стучал в окно протяжно, заунывно,
Переставал и вновь стелился ливнем,
В изнеможении последних сил

Качалась тень от света фонаря...
Качалась тень... На город ночь спускалась
Далеких зданий очертанья, словно скалы,
Темнели, таяли и одевались в огоньков наряд

Качалась тень от света фонаря...